

границей распространения известных сейчас курганов с «вытянутыми» погребениями существует территориальный разрыв, который отчасти заполняется наиболее северными находками керамики кватерьянского типа (Келеберда) и случайной находкой «молотка» из Стеблева. Возможно, в этой связи еще не до конца выяснено значение биритуального («вытянутого» с кремацией в сосуде) погребения из к. 8 у с. Колодистое, которое некоторые исследователи относят к памятникам софиевского типа (Дергачев, Манзура, 1991), хотя другие связывают комплекс с косеновской локальной группой (Мовша, 1990).

И. Ф. Ковалева рассматривает наверхия кичкасского типа при характеристике материального комплекса выделяемой ею посттрипольской культуры. В свое время Ю. Я. Рассмакин ошибочно отметил наверхия при перечислении категорий инвентаря погребений животиловско-волчанского типа (Рассамакин, 1988), на что указала И. Ф. Ковалева (Ковалева, 1991). Но эта ошибка была результатом некачественной информации об обряде разрушенного погребения из Соколово. В архивных материалах, т. е. первоисточнике, отмечались согнутые влево ноги, а чертеж показывал положение согнутой левой руки кистью перед лицом, что характерно как раз для животиловско-волчанских погребений. Более важным казалось другое заключение о том, что наверхия «...следует рассматривать в рамках хронологически и культурно близких памятников, о чем свидетельствуют условия их находок, связанных с наличием поздне трипольских элементов, а для погребений в курганах — одинаковых стратиграфических позиций» (Рассамакин, 1988). В дальнейшем автор скорректировал свою позицию (Рассамакин, 1991; 1993). Совершенно неправа А. Л. Нечитайло, приписывая «молотку-клевецу» из Константиновки майкоп-

скую форму (Нечитайло, 1991). В. И. Ключко и А. Косько на материалах могильников софиевского варианта выделяют «молотки-клевцы» в тип 2, или «Балканы», и предполагают их балканское происхождение, а «молотки» — в тип 3, происхождение их неясно. Исследователи отмечают, что такие молотки не характерны для культурных центров Причерноморья, но близкие формы представлены в круге культур шнуровой керамики Центральной Европы или культур дунайского раннего бронзового века (Ключко, Косько, 1995). На мой взгляд, все варианты наверхий несомненно имеют единые истоки. Правда, вопрос об их происхождении и культурной принадлежности остается открытым. Выбор в пользу одной из отмеченных двух культур сделать без заполнения территориальной лакуны между ними крайне сложно. Некоторая варибельность форм и качества изготовления наверхий свидетельствуют, видимо, об отсутствии единых центров их производства. Следует иметь в виду и выводы В. Ф. Петруня о происхождении сырья для наверхий из могильников софиевского варианта из района Южного Буга, Горного и Гнилого Тикича, или из области между Уманью и Новомиргородом (Petrougne, 1995). Широкое распространение наверхий в «вытянутых» погребениях, очевидно, еще не доказывает их происхождение в рамках культуры, которую они представляют, а только о большей мобильности населения с данной погребальной традицией, по сравнению с софиевским локальным вариантом. Но относительная многочисленность топоров нескольких типов и вооружения в могильниках софиевского варианта (Круц, 1977; Ключко, Косько, 1995) может, хотя и косвенно, указывать на истоки появления наверхий качкасского типа в «вытянутых» погребениях под влиянием поздне трипольского населения Среднего Поднепровья.

В. И. Ревенко (Харьков)

РАННЕСРУБНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ У с. СТАРЫЙ МЕРЧИК

В 1998 г. и 1999 г. Мерчанской археологической экспедицией ИА НАН Украины, под руководством А. В. Бандуровского, проводились исследования курганов у с. Старый Мерчик Валковского р-на Харьковской обл. Исследованию подверглись курганы, расположенные к югу от села на высоком плато левого берега р. Мерчик. Они составляют четыре курганные группы. Насыпи курганов: № 1 (группа I, 1998 г.) и № 1 (группа III, 1999 г.) были сооружены над единственными для этих курганов погребениями.

При раскопках кургана № 1 (группа I, 1998 г.), высота которого составляла 0,9 м, а диаметр 12 м, в центральной части насыпи

было обнаружено частично разрушенное грабительским ходом погребение. Оно было перекрыто деревянными плахами, расположенными поперек погребения. Две продольные боковые стенки были обложены деревянными горизонтальными плахами. Погребальная яма прямоугольной формы имела размеры 2,2x2,0 м, глубину 0,8 м от уровня погребенной почвы, и была ориентирована по линии север-юг. Умерший лежал на левом боку в скорченном положении и ориентирован головой на север. В нижней части позвоночника погребенного найдена фрагментированная (отсутствует половина) костяная плоская поясная пряжка округлой формы. Она

имеет два отверстия различного диаметра. Большое отверстие расположено в центре, а маленькое — у внешнего края. Перпендикулярно по отношению к погребению взрослого лежал скелет ребенка в возрасте до 1 года. В погребении находился глиняный сосуд баночной формы с загнутым во внутрь бортиком. Сосуд украшен под краем венчика косыми палочными насечками в виде горизонтальной елочки, разделенной прочерченной линией. Ниже расположена еще одна такая же линия, а под ней — зигзаговидный узор.

В кургане № 1 (группа III, 1999 г.), имевшем высоту 1,0 м от уровня погребенной почвы и диаметр 22 м, исследовано погребение, расположенное в центральной части кургана. Оно было перекрыто продольно расположенными деревянными брусками толщиной до 10 см. Погребальная яма прямоугольной формы со слегка скругленными углами имела размеры 2,8x2,15 м, глубину 0,6 м от уровня погребенной почвы, ориентирована длинной осью по линии запад-восток. Вокруг нее расположен выброс материковой глины шириной 1,7–1,9 м и толщиной 0,2 м. Погребенный лежал на левом боку в скорченном положении и ориентирован головой на восток. У лицевого отдела его

черепа стоял глиняный острореберный сосуд со слегка отогнутым наружу, уплощенным краем венчика и гребенчатыми расчесами на внешней поверхности. На плечике сосуда, обращенном к черепу, гребенчатым штампом был нанесен косяй оттиск.

Расположение оттиска на сосуде перед лицом погребенного, по-видимому, было не случайным, а имело религиозно-магическое значение, несло определенную смысловую нагрузку.

Судя по особенностям конструкций погребальных сооружений вышеописанных погребений — большие размеры погребальных ям, наличие деревянных перекрытий и стен у погребальных ям, форма и орнаментация сосудов, наличие костяной поясной пряжки, эти погребения относятся к покровской раннесрубной культуре. Их можно датировать XVI–XV вв. до н. э.

Эти погребения, наряду с погребениями, исследованными А. А. Моруженко в 1975 г. у с. Полковая Никитовка Богодуховского р-на Харьковской обл. (правый берег р. Мерла) [Моруженко, Усачук, 1986], являются еще одним свидетельством достаточно раннего проникновения раннесрубных племен в бассейн р. Ворскла, через ее притоки — р. Мерчик и р. Мерла.

М. С. Сергеева (Киев)

ПЕРЕКРЕЩЕННЫЙ КРУГ («КОЛЕСО СО СПИЦАМИ») КАК СИМВОЛ

Большинство архаических изобразительных систем, функционировавших в разных местах и в разное время, для передачи заложенной в них идеи оперировало сочетанием фигуративных образов и абстрактных символов и знаков (точнее, изображений, демонстрирующих внешнее несходство с обозначаемым объектом, но не являющихся в восприятии своих создателей «абстрактными» в современном понимании этого термина). Одним из таких символов является круг, разделенный на секторы, или «колесо со спицами». Эта фигура заслуживает отдельного внимания как широко распространенный значимый элемент древнего искусства и пример проявления определенных закономерностей развития архаической художественной образности.

Изображение в виде колеса со спицами в евразийском искусстве, начиная с эпохи бронзы, связывается с символикой колесницы — мифологического образа с целым спектром значений космического содержания и одновременно социального знака (маркировка воинского сословия, особенно воинской элиты, прежде всего вождя или царя). Иногда именно реальное колесо со спицами рассматривается как прототип солярно-космических знаков аналогичной формы. Однако изображения перекрещенного круга в символике изобразительных систем неолитических раннеземледельческих куль-

тур VI–IV тыс. до н. э. (Ближний Восток, Китай, Европа, включая трипольскую культуру) и ряда доколумбовых культур разного времени на территории обеих Америк, не знакомых с колесом подобной конструкции, позволяют констатировать вторичность символики колеса относительно знака подобной формы.

Широкий территориально-хронологический ареал бытования рассматриваемого символа при отсутствии свидетельств преемственности его использования в культурных традициях, разделенных в пространстве и во времени, позволяет видеть в его региональных проявлениях гетерогенные по происхождению фигуры, возводимые к различным основам. Единый прототип возможен в случаях, когда наблюдается культурно-историческое взаимодействие или преемственность между культурами (например, евразийский ареал). Первичные (не заимствованные) варианты знака соотносятся со знаковыми системами, прежде всего характерными для ранних обществ с производящим хозяйством (однако при наличии исключений). Осмысление подобных фигур диктуется спецификой символической образности в конкретных изобразительных традициях.

На самом общем уровне перекрещенный круг в большинстве случаев предположительно можно отнести к числу космических (в широком